

Московские научные терапевтические школы во второй половине XIX – начале XX столетий: сравнительная характеристика

В.И. Бородулин¹, П.А. Воробьев², К.А. Пашков^{1,3}, Е.Н. Банзельюк^{✉4}, А.Р. Луценко⁴, А.В. Тополянский³

¹ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко» Минобрнауки России, Москва, Россия;

²Московское городское научное общество терапевтов, Москва, Россия;

³ФГБОУ ВО «Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова» Минздрава России, Москва, Россия;

⁴ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены особенности и приведена сравнительная характеристика трех основных московских терапевтических школ второй половины XIX – начала XX в.: Г.А. Захарьина, А.А. Остроумова и В.Д. Шервинского – Л.Е. Голубина, а также обсуждается правомерность выделения научных клинических школ М.П. Черинова и Н.Ф. Голубова. Авторы полагают, что из московских терапевтических школ именно школа Шервинского–Голубина, а не школы Захарьина или Остроумова, сыграла наиболее существенную роль в становлении клиники внутренних болезней в СССР, передаче эстафеты накопленных врачебных знаний и представлений терапевтическим элитам в СССР.

Ключевые слова: московские терапевтические школы, Г.А. Захарьин, А.А. Остроумов, М.П. Черинов, Н.Ф. Голубов, В.Д. Шервинский, Л.Е. Голубинин

Для цитирования: Бородулин В.И., Воробьев П.А., Пашков К.А., Банзельюк Е.Н., Луценко А.Р., Тополянский А.В. Московские научные терапевтические школы во второй половине XIX – начале XX столетий: сравнительная характеристика. Терапевтический архив. 2023;95(8):730–734. DOI: 10.26442/00403660.2023.08.202334

© ООО «КОНСИЛИУМ МЕДИКУМ», 2023 г.

HISTORY OF MEDICINE

Moscow scientific schools on the field of internal medicine in the second half of the XIX – early XX centuries: comparative characteristics

Vladimir I. Borodulin¹, Pavel A. Vorobiev², Konstantin A. Pashkov^{1,3}, Egor N. Banzelyuk^{✉4}, Alfiya R. Lutsenko⁴, Aleksey V. Topolyanskiy³

¹Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia;

²Moscow City Scientific Society of Therapists, Moscow, Russia;

³Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia;

⁴Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

Peculiarities and comparative characteristics of three main Moscow schools on the field of internal medicine of the second half of the XIX – early XX centuries are discussed: schools of Grigory Zakharyin, Alexey Ostroumov and Vassily Shervinsky – Leonid Golubinin; the legitimacy to acknowledge scientific clinical schools of Mikhail Cherinov and Nikolay Golubov is disputed. The arguments are provided that of the Moscow therapeutic schools, it was the Shervinsky–Golubinin school, and not the Zakharyin or Ostroumov school, that played the most significant role in the formation of the internal medicine in the USSR, in passing the accumulated knowledge and ideas to therapeutic elites in the USSR.

Keywords: Moscow scientific schools on the field of internal medicine, Grigory Zakharyin, Alexey Ostroumov, Mikhail Cherinov, Nikolay Golubov, Vassily Shervinsky, Leonid Golubinin

For citation: Borodulin VI, Vorobiev PA, Pashkov KA, Banzelyuk EN, Lutsenko AR, Topolyanskiy AV. Moscow scientific schools on the field of internal medicine in the second half of the XIX – early XX centuries: comparative characteristics. *Terapevticheskii Arkhiv (Ter. Arkh.)*. 2023;95(8):730–734. DOI: 10.26442/00403660.2023.08.202334

Информация об авторах / Information about the authors

✉**Банзельюк Егор Николаевич** – канд. мед. наук, доц. каф. терапии фак-та фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова». Тел.: +7(495)932-98-28; e-mail: banzelyuk@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7239-8685

✉**Egor N. Banzelyuk**. E-mail: banzelyuk@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7239-8685

Бородулин Владимир Иосифович – д-р мед. наук, проф., гл. науч. сотр. ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко». ORCID: 0000-0002-8399-050X

Vladimir I. Borodulin. ORCID: 0000-0002-8399-050X

Воробьев Павел Андреевич – д-р мед. наук, проф., председатель правления Московского городского научного общества терапевтов. ORCID: 0000-0003-2500-1555

Pavel A. Vorobiev. ORCID: 0000-0003-2500-1555

Пашков Константин Анатольевич – д-р мед. наук, проф., гл. науч. сотр. ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко», зав. каф. истории медицины ФГБОУ ВО «МГМСУ им. А.И. Евдокимова». ORCID: 0000-0001-9155-4006

Konstantin A. Pashkov. ORCID: 0000-0001-9155-4006

Материалы наших многолетних исследований свидетельствуют, что крупные научные терапевтические школы в России существовали в течение полутора столетий: во второй половине XIX и в XX в. [1, 2]. В советской историко-медицинской литературе канонизировали взгляд, соответственно которому ведущими московскими школами являлись конкурировавшие в конце XIX в. школы Г.А. Захарьина и А.А. Остроумова, созданные соответственно в факультетской и госпитальной клиниках Императорского Московского университета (ИМУ); имена В.Д. Шервинского и Л.Е. Голубина в этом ряду не упоминаются. С другой стороны, некоторые авторы говорят о «школах» М.П. Черинова и Н.Ф. Голубова. Наши материалы дают основания для пересмотра этих положений. Факультетской терапевтической клиникой (ФТК) ИМУ с 1899 г. заведовал В.Д. Шервинский, а с 1907 г. – его основной помощник и преемник Л.Е. Голубинин, здесь сформировалась крупная оригинальная школа. А вот правомерность выделения научных клинических школ Черинова и Голубова нуждается в проверке. Для этих целей используется компаратив – сравнительно-исторический подход.

Самобытная, яркая, скандально знаменитая школа Захарьина являлась, конечно, самой заметной в научно-общественной жизни Москвы. **Григорий Антонович Захарьин** (1830–1897) начинал свою профессорскую деятельность в 1860-е годы как выдающийся врач, блестящий педагог и любимец студентов, реформатор высшего медицинского образования; вместе с С.П. Боткиным (Петербург) он возглавлял начавшееся во второй половине XIX столетия движение молодой отечественной профессуры, требовавшей реформы медицины, ее перевода на европейский естественно-научный путь развития. Но жизнь круто, до неузнаваемости деформировала эту незаурядную личность, его взгляды (научные, политические, бытовые) приобрели со временем крайне консервативный характер, нараставшая в процессе успешной коммерческой деятельности (не только частная врачебная практика с непомерно высокими гонорарами, но и сугубо финансовые операции) алчность превратилась в подлинную страсть, хронический болевой синдром, обусловленный поражением седалищного нерва, приносил постоянные мучения и существенно инвалидизировал его, истерическая психопатия обусловила демонстративно скандальное поведение, нелепые выходки (чуждачества) позволяли городской молве делать его героем московских анекдотов. Со временем былой огонь в его глазах потух. Он стал другим человеком, и в 80-х годах XIX столетия – знаменем эмпирического направления, подчеркнуто противопоставленного боткинскому естественно-научному направлению [3].

В советской историко-медицинской литературе школа Захарьина включала А.Я. Кожевникова, Г.Н. Минха, М.П. Черинова, А.А. Остроумова, К.М. Павлинова, В.В. Чиркова, Н.А. Митропольского, В.Ф. Снегирева, Н.Ф. Филатова, П.М. Попова, Н.Ф. Голубова [4]. Если бы стало возможным принять этот блистательный набор имен за школу Г.А. Захарьина, то, конечно, такой выдающийся

научный коллектив мог бы конкурировать даже с великой школой Боткина. Однако наши материалы науковедческого анализа заставляют усомниться в такой трактовке. В названном списке фигурируют клиницисты трех поколений. Первое поколение учеников Захарьина – А.Я. Кожевников, Г.Н. Минх, М.П. Черинов, А.А. Остроумов, К.М. Павлинов и В.В. Чирков – включает имена, украшающие страницы истории отечественной медицины. Но ведь эти молодые врачи работали в клинике Захарьина в 60–70-е годы XIX в., когда его научная школа с ее яркими особенностями (анамнестический метод, примат врачебной практики над теорией, беспрекословное раболепное подчинение сотрудников профессору, особое внимание к вопросам материального обеспечения врачей – примат частной практики) только начинала формироваться. Кожевников в дальнейшем стал классиком русской медицины, основоположником отечественной неврологии, а крупных трудов по терапии не оставил. Минх уехал на Украину и получил научную всероссийскую известность как патологоанатом и инфекционист, а не как терапевт. Черинов развивал свое оригинальное направление научных исследований, никак не связанное с творчеством Захарьина, формировал собственную научную школу. Остроумов и Павлинов (он продолжал работать у Захарьина) по направлению их собственных исследований явно оказались последователями Боткина, а не Захарьина; со временем стали идейными и личными противниками своего учителя. Все они никогда не позиционировали себя в школе Захарьина, и Захарьин никогда не упоминал их как представителей своей школы. В отличие от них Чирков, получив кафедру факультетской терапии в Университете св. Владимира (Киев), не порывал связей с учителем, развивал его направление, всегда подчеркивал свою принадлежность к его школе; конечно, есть все основания, чтобы «прописывать» Чиркова в школе Захарьина.

Ко второму поколению учеников Захарьина относятся Н.А. Митропольский, В.Ф. Снегирев и Н.Ф. Филатов. Митропольского Захарьин талантом не считал и третировал [5, с. 194] (отметим, что деканом медицинского факультета он все же стал). В отличие от него и Снегирев, и Филатов относились к деятелям ИМУ, имена которых составляли гордость университета, оба считали Захарьина своим учителем, но стали основоположниками отечественной оперативной гинекологии и московской школы педиатров соответственно. Поскольку речь идет о научной терапевтической школе, включать в нее врачей другой специальности неправомерно. Наконец, третье поколение школы Захарьина, «молодежь» во главе с Н.Ф. Голубовым и П.М. Поповым, несомненно, воплощала его школу. Следовательно, очищенная от напластований научная терапевтическая школа Захарьина – это всего четыре имени: В.В. Чирков, Н.А. Митропольский, Н.Ф. Голубов и П.М. Попов. Добротные университетские профессора, но не более того. Какое уж тут сравнение со школой Боткина!

С открытием клинического городка ИМУ на Девичьем поле, т.е. в 1890-х годах, клиники факультетской (Захарьин)

Информация об авторах / Information about the authors

Луценко Альфия Раисовна – ассистент каф. терапии фак-та фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова». ORCID: 0000-0001-5198-6584

Тополянский Алексей Викторович – д-р мед. наук, проф. каф. терапии, клинической фармакологии и скорой медицинской помощи ФГБОУ ВО «МГМСУ им. А.И. Евдокимова». ORCID: 0000-0002-4409-6900

Alfiya R. Lutsenko. ORCID: 0000-0001-5198-6584

Aleksey V. Topolyanskiy. ORCID: 0000-0002-4409-6900

и госпитальной (Остроумов) терапии стояли рядом, соперничество стало очевидным для всех, и столь же очевидным оказалось то обстоятельство, что лидерство и в лечебно-педагогической славе, и в научно-общественном «весе» явно переходило от старого консервативного Захарьина к более молодому и прогрессивному **Алексею Александровичу Остроумову** (1844–1908). Процесс оказался не мирным – оба лидера не скрывали взаимного раздражения. В отличие от захаринской остроумовская школа являла собой монолит, представленный первоклассными университетскими профессорами, врачами-исследователями: Д.А. Бурмин, В.А. Воробьев, Э.В. Готье-Дюфайе, Н.А. Кабанов, А.П. Ланговой, В.А. Щуровский, отчасти и Д.Д. Плетнев развивали клинические взгляды учителя, его клинко-биологическое направление. Но одно обстоятельство не может не настроить историка: учеников Остроумова одного за другим выбирали на кафедры Высших женских курсов (в дальнейшем 2-й МГУ, 2-й ММИ), но на кафедру ИМУ избрали только Бурмина, да и тот не мог конкурировать с Д.Д. Плетневым, М.П. Кончаловским, Е.Е. Фромгольдом, оставался всегда на вторых ролях. А у москвичей в то время ходила прибаутка: «Какая разница между профессором Высших женских курсов и университетским профессором? – Примерно такая же, как между “милостивым государем” и просто государем»... Из учеников Остроумова только Воробьев, возглавивший физиатрию, вошел в советскую терапевтическую элиту. О серьезнейшем влиянии самого Остроумова на современников спорить не приходится, но доказательствами значительного влияния его школы на формирование клиники внутренних болезней в СССР мы не располагаем. С началом XX в. клинические школы Захарьина и Остроумова утратили былую лидирующую роль.

Другой ученик Захарьина, **Михаил Петрович Черинов** (1838–1905), был на шесть лет старше Остроумова. В воспоминаниях современников и в историко-медицинской литературе он фигурирует как «старый московский барин», успешный частнопрактикующий врач, гласный Московской городской думы (1876–1892), автор руководства по игре в винт и муж знаменитой американской певицы Марии Ван Зандт. Вместе с тем Черинов после окончания с отличием медицинского факультета ИМУ и трехлетней стажировки у «светил» западноевропейской медицины защитил диссертацию на тему «По поводу учения о сахарном мочеизнурении (diabetes mellitus)» (1867 г.), содержащую весьма значимые научные результаты. Пройдя путь от приват-доцента до заслуженного ординарного профессора ИМУ по кафедре общей терапии и врачебной диагностики, он превратил ее в клинику, получив от Г.А. Захарьина 16 кроватей в больнице на Рождественке. В этой клинике, впоследствии переехавшей на Девичье поле¹, Черинов воспитал целый ряд известных клиницистов: это Н.С. Кишкин, ближайший ученик, преемник по кафедре и первый биограф Черинова; А.И. Щербаков, автор приоритетных исследований язвы желудка, впоследствии профессор Варшавского университета и известный деятель российского зарубежья; В.Е. Предтеченский, создатель пропедевтической терапевтической кафедры Высших женских курсов и автор руководства по лабораторной диагностике (1901 г.), переиздававшегося до 1960-х годов; П.С. Усов, один из пионеров разработки электрокардиографии в России; на этой же кафедре начинал свой путь в науку и выдающийся отечественный бактериолог Г.Н. Габричевский. Однако при наличии двух условий научной школы (учитель и учени-

ки) здесь отсутствует третье – общее учение, поскольку эти талантливые клиницисты и исследователи работали в различных областях. Таким образом, «школу» Черинова можно признавать лишь в общепедагогическом смысле, но не в строго научном.

Говорить о научной терапевтической школе **Николая Федоровича Голубова** (1856–1943) вообще трудно. В.Ф. Зеленгин в течение 5 лет (1913–1917) работал под его руководством на должности приват-доцента ФТК, однако знания от профессора он мог получать только на лекциях, поскольку обходы в клинике вместо директора делали его ассистенты М.П. Кончаловский и Е.Е. Фромгольд. К тому же созданная В.Ф. Зелениным кардиологическая школа никак не могла иметь своим родоначальником Голубова. Будущий академик АМН СССР В.Н. Виноградов также работал у Голубова (1912–1917), но своим учителем считал Д.Д. Плетнева; к тому же нет никаких следов влияния Голубова на тематику и стиль научных исследований В.Н. Виноградова. Конечно, конкурировать в качестве руководителя научной школы с названными выше выдающимися терапевтами Голубов не мог.

В те же годы профессором кафедры ФТК ИМУ избрали известного патоморфолога и клинициста **Василия Дмитриевича Шервинского** (1849–1941). В 1873 г. он окончил ИМУ и начинал свой путь врача, преподавателя и исследователя, работая помощником прозектора, затем прозектором на кафедре патологической анатомии у выдающегося деятеля ИМУ профессора И.Ф. Клейна; в 1879 г. защитил диссертацию о жировой эмболии. Одновременно работал ординатором в Старо-Екатерининской, затем в Шереметевской больницах, как приват-доцент читал университетский курс частной патологии и терапии с разбором больных. В 1881–1882 гг. проходил подготовку к профессуре в лабораториях и клиниках Германии и Франции, в том числе у Ю. Конгейма и Э. Штрюмпеля, П. Потена и Ж. Шарко. В 1894 г. он окончательно выбрал терапию в качестве дальнейшей специализации и перемещен экстраординарным профессором на кафедру частной патологии и терапии (ординарный профессор с 1897 г.). Создал при кафедре общеклиническую амбулаторию им. В.А. Алексеевой для лечения приходящих больных (1896 г.) и стал ее директором.

На кафедру ФТК В.Д. Шервинский перешел вместе с приглашенным им ассистентом – **Леонидом Ефимовичем Голубининым** (1858–1912), союзником, единомышленником, идеальным помощником – их сблизил совместная работа в Шереметевской больнице. Нет оснований считать Голубинина учеником Шервинского: как клиницист и исследователь он сформировался под влиянием С.П. Боткина, Э.Э. Эйхвальда, А.А. Остроумова и В.Д. Шервинского, оставаясь при этом автодидактом. Началась совместная деятельность Шервинского и Голубинина в факультетской клинике, Московском научном обществе терапевтов по подготовке и проведению Российских съездов терапевтов и созданию клинической школы, продолжавшаяся вплоть до 1912 г., когда умер Голубинин, а Шервинский уволился из университета.

Созданная Шервинским и Голубининым в ИМУ научная терапевтическая школа включает 5 основных учеников. К ним относятся В.Н. Виноградов, М.И. Вихерт, М.П. Кончаловский, М.И. Певзнер и Е.Е. Фромгольд. К этой школе примыкает Д.Д. Плетнев, хотя и с очень серьезными оговорками. Дмитрий Дмитриевич Плетнев (1871–1941) как кардиолог-экспериментатор принадлежал к научной школе основоположника отечественной экспериментальной кар-

¹ Следует отдельно отметить важную роль общественного деятеля М.П. Черинова в создании Клинического городка на Девичьем поле.

диологии патолога и терапевта А.Б. Фохта [6, 7]. Как клиницист он испытал значительное влияние К.М. Павлинова, А.А. Остроумова, Ф. Крауса (Берлин). Но с 1907 по 1912 г. он работал экстраординарным ассистентом и приват-доцентом (читал курс сердечно-сосудистых заболеваний) на кафедре ФТК ИМУ, и мощное влияние такого выдающегося клинициста, как Голубинин, и всей формирующейся школы должно было сказаться на становлении взглядов молодого Плетнева, хотя сам он называл себя автодидактом.

Шервинский и Голубинин работали дружно, разделив свои функции руководителей самым естественным образом. Клиника требовала переоборудования, позволяющего разрабатывать методы современной диагностики: это являлось их совместной заботой. Общее научное руководство лежало на Шервинском, он определял основные направления исследований, предлагал темы работ. В стране отсутствовали академия медицинских наук и разветвленная система профильных научных медицинских институтов; научно-общественная жизнь терапевтов страны в определяющей степени зависела от активности региональных научных обществ и съездов российских терапевтов. Шервинский, демонстрируя неиссякаемую энергию, постоянную готовность к неблагодарной «черновой» работе организатора, неизменную корректность и высокую профессиональную компетентность, вместе с яркими лидерами терапевтов – Василием Николаевичем Сиротининым (Петербург) и Василием Парменовичем Образцовым (Киев) (шутя, они называли себя «три Василия – председателя») – с начала 1900-х годов руководили подготовкой и проведением первых (довоенных) съездов; тем самым они формировали первую терапевтическую элиту России. Шервинский являлся также одним из инициаторов создания Московского медицинского общества (1875 г.), заседавшего в Политехническом музее. В 1895 г. оно преобразовано в Московское терапевтическое общество при ИМУ, заседания проходили в анатомической аудитории ИМУ. В 1899 г. Шервинского избрали председателем Московского терапевтического общества, и четверть века он возглавлял общество. Товарищем (заместителем) председателя являлся Голубинин.

Отметим, что из остальных упомянутых выше лидеров терапии Захарьин, одно время активно участвовавший в работе Московского физико-медицинского общества и даже бывший его председателем (1871–1872), ко времени создания терапевтического общества (1875 г.) уже постепенно начинал терять поддержку коллег по врачебному цеху и все больше ограничивал круг общения своей клиникой и сферами власти преобладающих. Черинов, занимаясь большой общественной работой, по-видимому, деятельностью врачебных обществ занимался мало. Имя же Голубова в протоколах заседаний терапевтического общества начала XX в. вообще не обнаружено. Все перечисленное хорошо согласуется с приведенными выше выводами о различной значимости этих клиницистов как руководителей научных «школ».

О Голубине Кончаловский писал: «Я с особой благодарностью вспоминаю ассистента Голубина, который вел всю лечебную работу в клинике и от которого я воспринял методику клинического исследования больного, посещая его дневные и вечерние обходы и участвую у него. В клинике стали появляться новые методы исследования больного: желудочный зонд, рентген и лабораторная методика» [8]. В университетском отчете за 1910 г. отмечено

приобретение клиникой рентгеновских трубок Бауэра и Гунделяха, держателя пластинок для снимков черепа, трех приборов Тома–Цейсса для подсчета красных кровяных телец. Можно отметить, что это один из первых рентгеновских кабинетов в Москве. Электрокардиограф приобретен в 1914 г., после смерти Голубина, при сменившем его Голубове, заведовал электрокардиографическим кабинетом приват-доцент В.Ф. Зеленин, причисленный впоследствии к основоположникам отечественной клинической электрокардиографии: сообщая эти достоверные сведения, надо все же и напоминать, что приобрели электрокардиограф на средства, оставленные университету Голубининым, по его завещанию. В Москве факультетская клиника лидировала в вопросах применения в клинической диагностике бактериологических и биохимических методов, являлась пионером применения серологических методов диагностики.

Во второй половине 1920-х годов в Советской России сменился состав терапевтических элит: дореволюционные лидеры во главе с «тремя Василиями» (Образцов умер в голодном и холодном Киеве в 1920 г., Сиротинин с денкинской армией дошел до Крыма, эмигрантом жил и умер в 1934 г. в Париже, Шервинский оставался лидером, но уже почетным, формальным, сосредоточившимся на проблемах эндокринологии) сошли со сцены, пришли новые лидеры: Д.Д. Плетнев, С.С. Зимницкий, М.И. Вихерт, М.П. Кончаловский, Г.Ф. Ланг, Н.Д. Стражеско, Р.А. Лурия, Е.Е. Фромгольд; позже (2-я смена терапевтических элит) – В.Н. Виноградов, В.Ф. Зеленин и др.

Таким образом, сам перечень приведенных имен ведущих терапевтов страны 20–40-х годов XX в. свидетельствует о первенствующей роли школы Шервинского–Голубина в становлении клиники внутренних болезней в СССР, в сохранении и передаче лучших традиций терапевтической клиники Российской империи, а влияние школ Г.А. Захарьина и А.А. Остроумова осталось в XIX в. Школу М.П. Черинова можно признавать лишь в общепедагогическом и общеврачебном смысле, но не в строго научном. Научных оснований говорить о школе Н.Ф. Голубова нет.

Раскрытие интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Disclosure of interest. The authors declare that they have no competing interests.

Вклад авторов. Авторы декларируют соответствие своего авторства международным критериям ICMJE. Все авторы в равной степени участвовали в подготовке публикации: разработка концепции статьи, получение и анализ фактических данных, написание и редактирование текста статьи, проверка и утверждение текста статьи.

Authors' contribution. The authors declare the compliance of their authorship according to the international ICMJE criteria. All authors made a substantial contribution to the conception of the work, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the work, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the work.

Источник финансирования. Авторы декларируют отсутствие внешнего финансирования для проведения исследования и публикации статьи.

Funding source. The authors declare that there is no external funding for the exploration and analysis work.

Список сокращений

ИМУ – Императорский Московский университет

ФТК – Факультетская терапевтическая клиника

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Бородулин В.И. При участии Е.Н. Банзелиюка, М.В. Поддубного, А.В. Тополянского. Клиника внутренних болезней в Российской империи. История в лицах. М., 2020 [Borodulin VI. Pri uchastii EN Banzeliuoka, MV Poddubnogo, AV Topolianskogo. Klinika vnutrennikh boleznei v Rossiiskoi imperii. Istoriia v litsakh. Moscow, 2020 (in Russian)].
1. Бородулин В.И. При участии Е.Н. Банзелиюка, М.В. Поддубного, А.В. Тополянского. Клиника внутренних болезней в СССР. История в лицах. М., 2021 [Borodulin VI. Pri uchastii EN Banzeliuoka, MV Poddubnogo, AV Topolianskogo. Klinika vnutrennikh boleznei v Rossiiskoi imperii. Istoriia v litsakh. Moscow, 2021 (in Russian)].
3. Голубов Н.Ф. О направлениях в русской клинической медицине (Москва и Петербург). М., 1894 [Golubov NF. O napravleniiah v russkoi klinicheskoi meditsine (Moskva i Peterburg). Moscow, 1894 (in Russian)].
4. Гукасян А. Г. Г. А. Захарьин. 1820–1897. М.: Медгиз, 1948 [Gukasian AG. GA Zakhariin. 1820–1897. Moscow: Medgiz, 1948 (in Russian)].
5. Тополянский В.Д. Доктор Захарьин: легенды и реальность. М., 2009 [Topolianskii VD. Doctor Zakhariin: legendy i realnost. Moscow, 2009 (in Russian)].
6. Плетнев Д.Д. Экспериментальное исследование по вопросу о происхождении аритмии: дис. ... д-ра мед. наук. М., 1906 [Pletnev DD. Eksperimental'noe issledovaniie po voprosu o proiskhozhdenii aritmii: dis. ... d-ra med. nauk. Moscow, 1906 (in Russian)].
7. Шилинис Ю.А. История формирования направлений общей патологии и научной школы А.Б. Фохта: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1994 [Shilinis YuA. Istoriia formirovaniia napravlenii obshchei patologii i nauchnoi shkoly AB Fokhta: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. Moscow, 1994 (in Russian)].
8. Кончаловский М.П. Моя жизнь, встречи и впечатления. Исторический вестник ММА им. И.М. Сеченова. 1996;VI:97 [Konchalovskii MP. Moia zhizn', vstrechi i vpechatleniia. Istoricheskii vestnik MMA im. IM Sechenova. 1996;VI:97 (in Russian)].

Статья поступила в редакцию / The article received: 31.05.2023

OMNIDOCTOR.RU